

УДК 81'23

## ДИСКУРСИВНЫЕ ЭМБЛЕМЫ В.И. Карасик (Волгоград, Россия)

**В.И. Карасик. Дискурсивные эмблемы.** В статье рассматриваются дискурсивные эмблемы как знаки идентификации коммуникантов и обстоятельств общения. Обсуждаются такие критерии классификации дискурсивных эмблем, как сфера коммуникации, тональность и референтная отнесенность. Выделяются знаки статусной, профессиональной, локальной, исторической, идеологической идентификации.

**Ключевые слова:** герменевтика, дискурс, дискурсивные эмблемы, идентификация, сфера коммуникации.

**В.І. Карасик. Дискурсивні емблеми.** У статті розглядаються дискурсивні емблеми як знаки ідентифікації комунікантів та обставин спілкування. Обговорюються такі критерії класифікації цих емблем, як сфера комунікації, тональність і референтна віднесеність. Виокремлюються знаки статусної, локальної, історичної, ідеологічної ідентифікації.

**Ключові слова:** герменевтика, дискурс, дискурсивні емблеми, ідентифікація, сфера комунікації.

**V.I. Karasik. Discourse emblems.** This article focuses on discourse emblems employed for identifying the participants and the settings of communication. The discussed criteria for classifying such emblems include the sphere of communication, tonality, and reference. It is argued that discourse emblems signify the societal, professional, geographical and ideological background of the speaker.

**Key words:** communication sphere, discourse, discourse emblems, identification, hermeneutics.

Важнейшей характеристикой общения является не прямое выражение смысла. Соглашаясь с известной сентенцией Л.С. Выготского [1999] о том, что любое высказывание по своей сути есть иносказание, отметим, что понимание сообщения как иносказания – это выбор интерпретатора. Так, например, художественный текст отличается по своему предназначению от всех остальных типов текста прежде всего тем, что открывает бесконечную перспективу интерпретаций [Воробйова 2004; Vorobyova 2009]. Непрямая коммуникация имеет различные дискурсивные и жанровые проявления [Дементьев 2006]. Одним из возможных подходов к изучению не прямой коммуникации является лингвосомиотический анализ ее типов. Можно противопоставить две основные разновидности интерпретации чего-либо как актуализации непрямого смысла – определение контекста как базы для дальнейшего понимания смысла и проникновение в текст. Определение контекста в широком смысле слова – считывание эмблем – происходит моментально, а проникновение в текст требует некоторых интеллектуальных усилий и определенных умений интерпретации. Такое проникновение можно

далее противопоставить по единственности либо принципиальной множественности интерпретации смысла, благодаря чему мы воспринимаем ту или иную информацию как аллегорию или символ.

Дискурс – текст, погруженный в ситуацию общения, по Н.Д. Арутюновой, либо, наоборот, общение посредством текста – позволяет выявить релевантные признаки типологизации определенных коммуникативных ситуаций и личностей, использующих ту или иную речевую формулу. Такие речевые формулы могут рассматриваться в лингвосомиотическом плане в качестве эмблем, однозначно определяющих тип личности, понятный в рамках своей культуры, но требующий интерпретации для представителей других культур. Мы говорим об эмблематическом прочтении знака в тех случаях, когда акцентируется идентичность участников общения. Подобные дискурсивные эмблемы сразу же говорят нам, в какой среде привык находиться говорящий (например, *«Так точно»* – военный служащий, *«Отпусти меня, начальник»* – заключенный, *«Садись, два»* – учитель, *«Как у Вас все запущено...»* – врач, *«Давайте об этом поговорим»* – психолог, *«Слушаю тебя, дочь моя»* – священнослужитель, *«Сами мы не местные...»* – нищий). Эти формулы используются в их прямой функции в часто повторяющихся коммуникативных ситуациях, а затем, по закону С. Карцевского, начинают семиотически варьироваться и приобретают вторичное эмблематическое значение – ироническое, шутовское, описательное.

Дискурсивные эмблемы могут раскрывать не только социальную роль, но и психологическую самоидентификацию человека – подчеркнуто скромного либо желающего привлечь к себе внимание (ср. *«как говорится»* – *«как я говорю»*), вышестоящего либо нижестоящего (*«Ты как со мной говоришь?»* – *«Если разрешите...»*), импульсивного либо контролирующего себя (*«Я вся такая непредсказуемая...»* – *«Не вижу оснований для...»*). Часто в качестве таких дискурсивных эмблем используются цитаты, и понимание того, с кем себя идентифицирует говорящий, связано с формой и содержанием цитируемой фразы. К числу формальных характеристик подобных эмблем относятся этнические индикаторы (*«таки да»*), избыточное использование слов *«однако»* или *«заходи, дорогой»*), к содержательным характеристикам рассматриваемых единиц можно отнести широкий круг прецедентных ситуаций (*«А Семёнов списывает!»*, *«Вы можете говорить или хранить молчание...»*, *«Хотели как лучше...»*).

Лингвистическое осмысление и описание различных эмблем в общении важно для понимания различных пресуппозиций, которые могут остаться вне поля зрения интерпретатора либо получить неверное истолкование. В этом плане поиск эмблем в коммуникации – это одно из направлений филологической герменевтики. Любая коммуникативная ситуация включает множество эмблематических знаков, большая часть этих знаков самоочевидна для участников общения и наблюдателей и поэтому нерелевантна. Но в случае

возникновения смыслового разрыва между участниками общения требуется объяснение дискурсивных эмблем.

Классификация дискурсивных эмблем может строиться на различных основаниях. По признаку с ф е р ы о б щ е н и я можно выделить эмблемы того или иного типа дискурса, узнаваемого по его участникам, тематике и используемым коммуникативным формулам, противопоставить профессиональное и непрофессиональное общение, установить знаки, свойственные той или иной исторической эпохе или местности, в том числе и этнокультурные знаки. По признаку т о н а л ь н о с т и о б щ е н и я выделяются эмблемы, свойственные общению на официальной или неофициальной дистанции, в шутовском или серьезном ключе, сориентированные на самопрезентацию либо передачу сообщения и т.д. По признаку р е ф е р е н т н о й о т н е с е н н о с т и можно выделить эмблемы-реалии и коммуникативные эмблемы, к первым относятся любые объекты, осмысливаемые как индикаторы культуры (например, вид одежды или строения), ко вторым – собственно знаки, характеризующие участников общения и распадающиеся на вербальные и жестовые эмблемы, с одной стороны, и поведенческие эмблемы, с другой стороны. Описания эмблем-реалий обычно приводятся в справочниках по страноведению. Вербальный эмблематический смысл разъясняется в нормах использования обращений, этикетных фраз, имен собственных, обыкновений мимики и жестикуляций, но выходит за рамки этих вербальных и паравербальных единиц. Что же касается поведенческих эмблем (характеристика, которую можно сформулировать в следующем виде: так обычно ведут себя такие-то люди), то следует признать, что в лингвокультурологии, теории типажей и теории дискурса они освещены еще недостаточно.

Приведенные классификации взаимодополнительны, в реальности мы считываем эмблематические знаки в зависимости от наших установок относительно личностей собеседников и обстоятельств общения.

Эмблематичность не является внутренней характеристикой реальности, мы интерпретируем некоторые знаки именно как эмблемы в тех ситуациях, когда автоматически или осознанно определяем свои установки восприятия общения. В этом плане эмблематическое прочтение противопоставляется прямому восприятию смысла, с одной стороны, и поиску глубинного смысла, с другой стороны [Карасик 2013]. Любое общение носит партитурный характер – мы контактируем с нашими собеседниками на нескольких уровнях одновременно, но акцентируем какой-либо один уровень. Так, в случае коммуникативного сбоя включаются механизмы проверки контакта, мы определяем, не отвлекся ли наш партнер по общению, не нарушен ли баланс статусных отношений, не возникли ли какие-либо привходящие обстоятельства. В таких ситуациях возникают фразы: *«Извини, я не расслышал»*, *«Ты почему со мной через губу разговариваешь?»*, *«Кажется, кто-то звонит»* и т.д. В обычной ситуации общения ее эмблематичное

осмысление является фоновым, и в случае расхождения коммуникативного опыта автора и адресата требуется комментарий. Например, распространенное высказывание «*Long time no see*» представляет собой имитацию речи индейцев или китайцев на английском языке, произносится с шутливой интенцией при встрече хороших знакомых, которые давно не виделись. Намеренный аграмматизм этой фразы является эмблемой обиходного общения на сокращенной дистанции в современном англоязычном мире.

Подобные эмблематические знаки органически совмещаются со сходными знаками. Когда кто-то говорит: «*У моей сестре трое внучат*», мы понимаем, что перед нами пожилой носитель диалекта, но невозможна фраза: «*В ейной диссертации, к сожалению, много опечаток*» в отзыве оппонента, за исключением особой игровой ситуации, поскольку данный жанр научного дискурса реализуется только в рамках литературного языка.

Дискурсивные эмблемы выражаются всеми языковыми знаками – от маркированного произношения определенных звуков (например, фрикативное «г» у носителя донского диалекта, а также при имитации речи детей или иностранцев) до жанрового оформления целого текста любого объема.

Типичными дискурсивными эмблемами являются термины и профессионализмы в речи специалистов. Если литературный критик говорит, что рецензируемое произведение нейтрализовано классикой, то слово «нейтрализовано» сразу же сигнализирует о стирании фонематических различий в определенных позициях. Специфика термина состоит в том, что, попадая в более широкий контекст, слово, имеющее точный профессионально маркированный смысл, сохраняет ауру этого смысла в новой ситуации. В данном случае подготовленный читатель или слушатель понимает, что уровень анализируемого критиком текста не очень высок, хотя по всем внешним признакам произведение написано неплохо. Так, известно, что на русском языке написано очень много произведений, вошедших в золотой фонд мировой литературы, и поэтому уровень требований, предъявляемых к поэтическому или прозаическому тексту, по определению очень высок, если автор претендует на создание действительно художественного произведения. При этом мы знаем, что повторение классических образцов есть лишь имитация творчества. Используя термин, критик эмблематически характеризует себя как опытного профессионала, обращается к подготовленному адресату и выражает свою мысль так, что для неподготовленной аудитории смысл оценки останется закрытым.

Эмблематическим является и следующий пассаж из отзыва оппонента: «*Диссертация отличается весьма сложным синтаксическим построением высказываний, и читателю со средними ресурсами памяти в ряде случаев трудно следить за аргументацией автора*». Подготовленный читатель (работы такого жанра читают только специалисты) сразу же поймет, что рецензируемая работа страдает нарушениями логики, при этом замечание выражено в такой форме, которая при поверхностном восприятии может быть истолкована

как своеобразный комплимент диссертанту. Такая манера формулировок в отзыве сразу же определяет круг ученых, которые с улыбкой отреагируют на высказанное замечание. Профессиональная эмблематика способствует сплочению и лучшему взаимопониманию специалистов.

В ряде случаев профессионалы намеренно используют термины, которые непонятны для адресата. Л.С. Бейлинсон [Бейлинсон 2009: 183–185] выделяет три основные функции использования терминов в общении логопеда с родителями пациентов и коллегами – номинативную, эвристическую и регулятивную. В первом случае термин употребляется для точного обозначения явления, во втором – для размышления вслух, не направленного на адресата, в третьем – для демонстрации адресату компетентности специалиста. Во всех функциях термин в речи эмблематичен, при этом эмблематический смысл актуализируется в той ситуации, когда термин не поясняется, поскольку должен быть известен адресату либо сигнализировать о том, что говорящий является экспертом. Показателен следующий пример регулятивного использования терминов в речи логопеда:

*У вашего ребенка псевдобульбарная дизартрия. В данном случае имеет место сравнительно легкая степень нарушения артикуляционной моторики. ... Дети с подобным нарушением посещают логопедические занятия. Существенную роль, я это неоднократно подчеркивала, в устранении этого дефекта могут оказать родители. К сожалению, вынуждена констатировать, что занятий дома явно недостаточно для получения нужного результата. Я вообще сомневаюсь в том, что занятия проводятся регулярно. Поэтому вам следует сделать очень серьезные выводы...*

Логопед объясняет родителям ребенка, что они виноваты в том, что нет улучшения в исправлении дефекта речи, поскольку занятия дома не проводятся. В его речи используются термины «псевдобульбарная дизартрия» (без пояснения), «нарушения артикуляционной моторики» (без пояснения), «артикуляция» (без пояснения). Фактически логопед изъясняется так, как будто он дает письменное заключение.

Множество не вполне понятных современному читателю эмблем российской жизни первой половины XIX в. блестяще раскрыл Ю.М. Лотман в своем известном комментарии к Евгению Онегину. Таково, например, объяснение поведения людей в театре:

*«Театр уж полон; ложи блещут; / Партер и кресла, все кипит; / В райке нетерпеливо плещут... – Спектакли в петербургских театрах начинались в 6 часов вечера. Ложи посещались семейной публикой (дамы могли появляться только в ложах) и часто абонировались на целый сезон. Партер – пространство за креслами; здесь смотрели спектакль стоя. Билеты в партер были относительно дешевы, и он посещался смешанной публикой, в том числе завзятыми театрами. Кресла – несколько рядов кресел устанавливалось в передней части зрительного зала, перед сценой.*

Кресла обычно абонировались вельможной публикой. ... Раек – верхняя галерея – местопребывание демократического зрителя. Определения Пушкина резко разграничивают состав и поведение различных частей зала: ложи блещут орденами и звездами мундиров, бриллиантами дам; партер и кресла – в движении (театральный хороший тон предписывал входить в зал в последнюю минуту, а появление людей света требовало выполнения этикета: обмена приветствиями, ритуала поклонов и бесед). Демократическая публика хлопает, требуя начать спектакль» [Лотман 1983: 149-150].

Театр был в целом своеобразной статусной эмблемой всего общества. Обратим внимание на жесткие требования к появлению дам, на статусный уровень тех, кто мог занимать кресла, стоять в партере либо смотреть на представление из верхней галереи. В наши дни ритуал театрального представления дополнился, как известно, произносимой вслух перед началом спектакля просьбой отключить мобильные телефоны.

Насыщены многими эмблемами рассказы Михаила Зощенко. В цикле «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» повествование идет от имени крестьянина и бывшего солдата, который делится со слушателем (в этой роли выступает писатель) интересными событиями из своей жизни. Это распространенный прием построения сюжета художественного текста. Запись датируется, как сказано в предисловии, апрелем 1921 года. Речь героя стилизована, так изъяснялось в те годы большинство носителей русского языка. Приведу фрагменты из рассказа «Великосветская история».

*А был у меня задушевный приятель. Ужасно образованный человек, прямо скажу – одаренный качествами. Ездил он по разным иностранным державам в чине камендинера, понимал он даже, может, по-французскому и виски иностранные пил, а был такой же, как и не я, все равно – рядовой гвардеец пехотного полка.*

Эмблематичны следующие дискурсивные знаки: приятель рассказчика, человек из простого народа, понимал французский язык (знание французского было отличительным признаком господ, не случайно усилительное слово «даже»), пил иностранные напитки (плеонастическое и поэтому смешное обозначение «виски иностранные»), комизм усилен благодаря множественному числу прилагательного). Искажено слово «камердинер» – комнатный слуга в дворянском доме. Далее начинается собственно повествование:

*Было тому... сколько?... четыре года взад. Призывает меня ротный командир, в чине – гвардейский поручик и князь ваше сиятельство. Ничего себе. Хороший человек.*

Обратим внимание на следующие дискурсивные знаки: рассказчик создает своеобразный стереоэффект, вставляя в речь свои уточнения и комментарии, такие коммуникативные приемы типичны для диалектной коммуникации, В.Е. Гольдин [Гольдин 1997: 26] называет это явление совмещением ситуации темы с ситуацией текущего общения; используется разговорно-сниженное

обстоятельство «четыре года взад»; в качестве обозначения своего командира герой употребляет сложную номинацию «князь ваше сиятельство» (титул + обращение).

Рассказчик, выполняя поручение своего командира, приезжает в его имение и встречается там его супругу:

*Тут вышла и представилась мне молодая супруга Виктория Казимировна с дитей. Мальчик у ней – сосун млекопитающийся.*

Эмблематично обозначение барыни по имени и отчеству. При этом герой использует диалектную форму слова «дитё» в творительном падеже. Комично обозначен возраст младенца – «сосун млекопитающийся», в диалектной речи часто возникают уникальные образования – окказионализмы, построенные по аналогии с другими словами.

Вернувшись в свою часть, рассказчик узнает, что его командир уехал, получает увольнение и направляется в имение князя. Там героя арестовывают местные жители и собираются расстрелять. Происходит следующий диалог:

— Ну хорошо, – говорю, – а есть ли вам от казни какая корысть?

— Нет, корысти, – говорят, – нету, но мы, говорят, для ради молодечества казним, дух внутренний поддержать.

Эмблематичным является выражение «ради молодечества казним», т.е. казнь становится доказательством удали. Слово «молодечество» толкуется в словаре как безудержная смелость, удаль, отвага (положительная оценка) и как безрассудная, показная отвага, ухарство (отрицательная оценка). Приведенное выражение выступает не только как эмблема, но и как символ эпохи революции. Плеоназм «для ради» типичен для диалектной речи.

В романе Бориса Акунина «Аристократия» фотографически точно показаны предреволюционные годы в России, революция, гражданская война. В гости к своему старому приятелю, а затем идейному противнику, бывшему приват-доценту университета, поддержавшему студенческие выступления и сосланному за это в Сибирь, приходит видный сановник, который, будучи преподавателем, в те времена публично выступил против студенческих волнений, был вынужден уйти из университета, затем был приглашен в министерство внутренних дел и сделал там карьеру. Сын хозяина дома открыл гостю дверь.

*Таких гостей в доме Клобуковых еще не бывало. На Антона вопросительно смотрел статский генерал (три звезды на петлице – это, кажется, тайный советник?), донельзя важный, с седой бородой, в золотых очках.*

– Марк Константинович Клобуков ведь здесь жительствоует? – спросил удивительный гость и, что было уж совсем удивительно, смутился, притом видно было, что смущаться этот человек давным-давно разучился, а может быть, и никогда не умел.

– Да. А... Как прикажете доложить? – ляпнул Антон, сообразил, что это прозвучало по-лакейски, и тоже сконфузился.

*Но генерал за лакея его не принял.*

*– Вы, должно быть, сын? В Сибири родились, знаю. Я Ознобишин, Федор Кондратьевич...*

Обратим внимание на эмблемы, требующие объяснения. В тексте выделяются эмблемы-реалии (описание мундира статского генерала в чине тайного советника – один из высших чинов в табели о рангах) и коммуникативные эмблемы, включающие вербальные и поведенческие знаки. К числу вербальных знаков относится выбор слов (например, слово «*жительствовавший*» имеет в словаре Д.Н. Ушакова помету «устар., офиц.»), обращения, коммуникативные формулы («*Как прикажете доложить?*» – так прислуга обращалась к гостю). К поведенческим знакам относятся различные способы самопозиционирования – манера речи, невербальные знаки, сопровождающие речь действия. Антон Клобуков помимовольно ведет себя, как слуга, увидев важного сановника, осознает это и испытывает от этого чувство стыда – дворянам так вести себя не следовало. Генерал устанавливает приемлемую дистанцию общения, обращаясь к молодому человеку на Вы. К прислуге обычно обращались на Ты.

Произошла революция. Показательны эмблематические вербальные знаки в речи одной из героинь произведения, бывшей служанки:

*Татьяна Ипатьевна не узнала бы свою покладистую, старательную воспитанницу. Застенчивой и робкой Паша, правда, не была и раньше, но вперед не лезла, при старших предпочитала помалкивать. Теперь же говорила много, охотно, на какую угодно тему, обожала революционные слова, а любимые ее присказки были: «чай, не дурее других», «нынче наше время настало» и «проживем своим умом, без господ и без боженьки». ...*

*– Вы, баре, тыщу лет простой народ мордовали – обирали, пороли, глумились. Теперь терпите, – как-то принялась рассуждать она на очередном свидании, притом очень убежденно. – Народ на вас маленько оттопчетя. За преступления ваших отцов над нашими. Вот меня взять. Я на свет родилась – какой у меня в жизни путь был? А ты, дворянский сынок, всё тебе на блюдечке. За какие-такие заслуги тебе пироги, за какие грехи мне тумаки?*

*– Я не дворянский сын, – попробовал возразить он.*

*– Неважно, из образованных. Товарищ Шмаков верно говорит: две Расеи у нас было, большая для черненьких, малая для беленьких. А теперь одна будет, общая. По справедливости. Но только вам, сытеньким, отстрадать надо, заслужить. Спесь свою позабыть, грязной работе научиться, вину свою сознать. Ничё, простой народ, он добрый, отходчивый. Тыщу лет на вас злобствовать не станет. Но, товарищ Шмаков говорит, годик-другой поучить вас придется, нельзя без этого.*

Свои и чужие в речи героини представлены в виде следующих оппозиций: «мы – вы», «простой народ – баре», «пироги – тумаки», «черненькие – беленькие», «голодные – сытенькие», «чистые – грязные», «невиноватые – виноватые». Эмблематическое обозначение чужих нейтрализует различия



между их разновидностями – дворянский сын эквивалентен образованному человеку. Речь бывшей служанки характеризуется просторечными лексическими единицами: «*тыща лет*», «*мордовать*», «*Расея*», «*дурее*», «*маленько*», «*ничё*». Паша использует яркий образ «*народ оттопчется*», приобретающий не только эмблематический, но и символический смысл. Эмблематичны идеологические высказывания «*нынче наше время настало*», «*без господ и без боженьки*», эти фразы перекликаются с лозунгами и песенными цитатами, например, «*никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой*» (русский перевод «Интернационала»). Эмблематичной является и ссылка на авторитетного для Паши человека (*товарищ Шмаков*).

Заслуживает внимания эмблематичное переосмысление слов, исходное значение которых не воспринималось как указание на участников общения. В послереволюционные годы так было осмыслено слово «элемент». Это латинское заимствование (*elementum* – стихия, первоначальное вещество) в своем первом значении «составная часть чего-либо» было переосмыслено под влиянием соответствующего определения к этому слову как характеристика человека – представитель какой-либо среды, социальной группы: *Прогрессивные элементы общества. Посторонние элементы. Чуждый элемент в коллективе. / (без опр.). Неодобр. О плохом, вредном и т.п. человеке. Все знают, что ты за элемент! □ собир. Деклассированный элемент (БТС).*

Так, например, изъясняется героиня цитируемого произведения Б.Акунина:

*Сказывают товарищи, будто приехало из Москвы большое начальство. Искоренять перегибы по случаю годовщины пролетарской революции. Что-де выйдем арестованному элементу послабление. Будут их не в расход пускать, а в лагерь отправлять, на работы.*

Выражение «*арестованный элемент*» обозначает просто арестованных, но содержит некую генерализацию класса этих людей, а главное является свидетельством принадлежности говорящего к определенной группе общества (интеллигенты так не говорили). Та же коммуникативная стратегия своеобразной эвфемизации прослеживается и в современных обозначениях типа «*лица кавказской национальности*» (подразумевается, что сказать «*кавказцы*» – это грубо или неправильно, а то обстоятельство, что получившееся многословное обозначение несколько не уточняет суть дела, в расчет не принимается). Эмблематичными слова становятся после того, как они появляются в речи лидера, это относится к знаковому слову «*перегиб*» – крайность, неумеренность. Ассоциативная эмблематика этого слова привязана к эпохе коллективизации, насильственному привлечению крестьян в колхозы. Объяснение такого положения дел вытекает из статьи И.В. Сталина «*Головокружение от успехов*» – ответственные работники на местах поспешили провести коллективизацию и этим оттолкнули от себя массы крестьян-середняков. Отсюда вытекает эмблематическая характеристика

тех, кто допускает перегибы – это люди, преданные партии, но в своем рвении, допускающие ошибки, которые вредят партии.

Дискурсивные эмблемы ярко представлены в публицистике. Приведу фрагменты статьи «Гнилая политика ЦК КП(б) Киргизии», напечатанной в газете «Правда» 13 сентября 1937 года:

*Восемь дней понадобилось ЦК компартии Киргизии на то, чтобы откликнуться на статью «Правды» – «Буржуазные националисты». После столь затянувшегося молчания ЦК КП(б)К опубликовал, наконец, коротенькое постановление о том, что председатель Совнаркома Киргизии Исакеев и нарком земледелия Есеноманов выведены из состава бюро киргизского ЦК.*

*Статья «Правды», приоткрывшая завесу над преступлениями буржуазных националистов, не нашла надлежащего большевистского отклика в ЦК КП(б)К. Республиканская газета, «Советская Киргизия» опубликовала передовую, в которой бесстыдно, наперекор очевидным фактам, пишет, будто новое руководство (имеется в виду нынешний ЦК КП(б)К) имеет достижения в разоблачении контрреволюционных националистов. Статью редактировал первый секретарь ЦК КП(б)К тов. Аммосов, и эта дипломатическая концепция принадлежит ему.*

*Статья в корне ложная. Напечатание ее выдает с головой редактора газеты А. Целинского, который, видимо, находится на поводу у националистов. Если он не выправит немедленно линии газеты, не может не встать вопрос о его партийности.*

Острота политической борьбы отчетливо видна в формулировках главной советской газеты: заголовок «гнилая политика», определения «преступления буржуазных националистов», «газета бесстыдно, наперекор очевидным фактам, пишет», «статья в корне ложная», «(редактор газеты) находится на поводу у националистов». Далее в тексте статьи фигурируют подобные коммуникативные эмблемы того времени:

*«с поразительной наглостью продвигали националисты друг друга», «враги изобрели несложный психологический прием», «Кто такой Булатов? Сподвижник матерого контрреволюционера Абдрахманова, человек, пользовавшийся поддержкой и покровительством этого гнуснейшего шпиона», «кто не знает в Киргизии Джиенбаева? Это – ретивый сподручный злейшего контрреволюционера Абдрахманова и разоблаченного троцкиста Белоцкого», «Джиенбаев активно защищал террориста Стамблера. Он послал в Москву личное ходатайство за него. Он тесно связан с семьями сосланных врагов народа».*

Киргизские функционеры прямо названы врагами, контрреволюционерами, шпионами, троцкистами, террористами. Приведенные эмблемы не оставляют сомнений в том, какова была участь этих людей в печально известном 1937 году. Эмблематичны имена прилагательные – политические характеристики «гнилая», «бесстыдно», «ложная», «с наглостью», «матерый»,

«гноснейший», «злейший», «разоблаченный». Назначение эмблемы – быть опознавательным знаком, соответственно, ее оценочное содержание сводится к оппозиции «свои – чужие». Враги действуют сознательно (*матерые*), агрессивно (*бесстыдно, с наглостью*), но они неизбежно должны потерпеть поражение (*разоблаченные*) и искоренены (*гнилая политика*). Обратим внимание на известное «проклятие суперлатива», о котором писал В. Клемперер (*гноснейший, злейший*). Стилистика советской прессы 30-х годов характеризуется поведенческими эмблемами бескомпромиссной борьбы с врагами.

Эмблематична и полемика в научной периодике. Показательно обсуждение книги И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» на заседании в институте языкознания АН СССР в Ленинграде в 1951 году. Это было время откликов лингвистической общественности на появление весьма интересной работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Естественно, тезисы вождя были признаны в качестве методологической основы советской лингвистики. Передовая статья журнала «Вопросы языкознания» (1952, №1) открывается следующим пассажем:

*Советское языкознание, возрожденное трудом И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» к кипучей и деятельной жизни, направленное гением великого ученого по новому пути, переживает в настоящее время пору своего обновления, своей перестройки во всех основных своих частях и звеньях.*

Идеологическая тональность публикации видна в следующих лексических эмблемах: «языкознание, возрожденное ... к кипучей и деятельной жизни, направленное гением великого ученого по новому пути». Оптимистическая стилистика статьи перекликается с песенной строкой «*Кипучая, могучая, никем непобедимая*» В. Лебедева-Кумача. В своем докладе, посвященном книге И.И. Мещанинова, Е.М. Галкина-Федорук подвергла суровой критике содержание рассматриваемой работы. Оставляя в стороне собственно лингвистические проблемы дискуссии, обратим внимание эмблематику высказываний рецензента: «*В основе понимания членов предложения и частей речи у И.И. Мещанинова лежат понятийные категории, которые он некритически заимствует у зарубежных лингвистов идеалистического направления (например, у Есперсена) и ставит на службу теории стадильности*». Идеализм (чужая философия) противопоставлен материализму (нашей философии). «*И.И. Мещанинов отгораживает, отрывает язык и мышление друг от друга, вносит путаницу в соотношение этих рядов, извращая ленинскую теорию отражения*». Эмблематичны оценочные определения «*вносит путаницу, извращая ленинскую теорию отражения*». Эмблематичны знаки принадлежности (ленинская теория отражения, сталинское учение о языке). «*Разбираемая книга во всех своих теоретических положениях представляет вопиющее противоречие сталинскому учению о языке. Эклектически соединяя идеалистические и вульгарно-материалистические идеи, игнорируя конкретный живой*

материал языков, опираясь на порочные теории стадильности, единства глоттогонического процесса и понятийных категорий, И.И. Мещанинов пришел к абсолютному антиисторизму». Докладчик пользуется эмблемами своей эпохи: это оценочно маркированные определения «вопиющее противоречие», «порочные теории». Подчеркну, что эмблематика акцентирует внимание не на содержательной стороне дискурса, а сугубо на его индексальной характеристике – на идентификации коммуникантов.

Множество различных эмблем можно найти в поэтических текстах. Насыщено эмблемами стихотворение Нины Искренко:

*Пекёт Текёт И нагинается  
Кой-как зажгёт и снова мается  
Позвонит включит поканючит  
Заплотит и уж чуть не плачет  
А тут как выбросят Возьмет  
и в сумку ложит  
Улыбается*

Перед нами речевой портрет бабушки, жившей в Советском Союзе в 70-е годы XX века. Стихотворение составлено из просторечных ненормативных глагольных форм «пекёт», «текёт», «нагинается», «зажгёт», «позвонит», «включит», «заплотит», «ложит». Эти словоформы эмблематически обозначают образовательный статус женщины, которая дома готовит обед семье и ходит покупать продукты. Денег у нее немного, поэтому, заплатив за жилье, она чуть не плачет. Далее в тексте появляется эмблема, требующая разъяснения – в условиях дефицита продуктов питания ситуация внезапного появления этих продуктов в продаже обозначалась словом «выбросить» («Там через дорогу масло выбросили»), сразу же выстраивалась длинная очередь, появлялись бдительные граждане, которые всех пересчитывали, устанавливалась норма – сколько товара можно было получить в одни руки. Такая покупка обозначалась эмблематическим значением глагола «достать» – (разг.) раздобыть, суметь получить в собственность нечто труднодоступное («Папа сегодня колбасы достал»). Купив продукты, бабушка улыбается.

Иные дискурсивные эмблемы возникли в России в период перестройки. В романе Юрия Полякова «Замыслил я побег» мы сталкиваемся с узнаваемыми знаками нашего времени:

*Сотрудник валютно-кассового департамента банка  
«Лосиноостровский» Олег Трудович Башмаков замыслил уйти от жены.  
... В день побега – а это был, как и условились, понедельник – Башмаков  
взял на работе отгул, или, как выражались банковчане, «дэй офф».*

В этом отрывке эмблематичен англицизм *day off* – свободный день. Подобные выражения (*уикенд*, *о'кей* и др.) активно используются в современном общении на русском языке, особенно в среде офисных работников. Себя герой мысленно называет словом «эскейпер», окказиональным новообразованием от английского «*escape*» – «побег». Для тех, кто сбежал, в аутентичном

английском используется слово «*гипавай*». Знаковым можно считать и игровое обозначение «*банковчане*» (ср. «*кафедряне*»), имитирующее старинную модель коллективной номинации.

Активное вторжение английского языка в нашу жизнь показано в следующем тексте:

*В лифте валялись пустые пивные банки и яркие пакеты из-под чипсов. Пластмассовые кнопки панели были опять, в который раз, сожжены, а на полированной стене появилась новая надпись на английском, ставшем в последнее время разновидностью настенной матерщины.*

Настенные инскрипции – различные записи любого содержания на любой поверхности – обладают яркой эмблематической значимостью. Так, фраза «*Денис лох*» выражает не только задорное детское оскорбление, но и то, что территория этого места – двора или школы – принадлежит младшим подросткам. Не вызывает возражений наблюдение писателя относительно того, что англоязычные инскрипции в современном городском российском лифте функционально эквивалентны матерным словам.

В цитируемом романе Ю. Полякова мы находим множество узнаваемых знаков времени:

*Башмаков был обыкновенной классной заурядностью: в школьной самодеятельности не участвовал, боксом не занимался, талантом весело пререкаться с учителями не обладал, а стригся и вообще за пятнадцать копеек «под полубокс».*

В советской школе незаурядными считались те ребята, которые участвовали в художественной самодеятельности, занимались спортом или позиционировали себя в качестве хулиганов. В семидесятые годы под влиянием западной музыкальной массовой культуры появилась мода на длинные волосы у юношей, это вызывало замечания у учителей, и соответственно приобретало знаковую ценность в общении подростков.

Книга изобилует множеством точно подмеченных эмблем. Таково описание визита главного героя, тогда еще студента, к родителям своей будущей жены:

*Олег прибыл на обед с тремя гвоздиками, бутылкой «Алиготе» и тем внутренним ознобом, какой ощущаешь, входя в кабинет зубного врача. На Башмакове был его единственный костюм, купленный еще к выпускному школьному вечеру и теперь еле вмещавший возмужавшее тело. Обедали обильно и неторопливо. За закусками обсуждали международную обстановку.*

Отметим, что гвоздики – одни из самых дешевых цветов, «Алиготе» – это недорогое отечественное сухое белое вино. Единственный костюм, в котором Башмаков ходил на свой школьный выпускной вечер, также говорит о низком материальном статусе его владельца. Эмблематично и обильное угощение гостей в России. Сейчас можно иронически или ностальгически комментировать распространенные темы застольных бесед в семьях советских

людей – одной из таких тем было международное положение. В Советском Союзе в то время смеялись над американцами, которых не интересовали мировые проблемы.

Интересны случаи межкультурных эмблем. Например, в телевизионном интервью российский актер, живущий сейчас в Германии, в ответ на вопрос сказал: «*Это абсолютно исключено – ausgeschlossen*». Перед нами интересный случай дискурсивной эмблемы билингва, который не просто показывает владение иностранным языком (в контексте интервью это было бы излишне), а акцентирует категоричность своего ответа. Подразумевается, что то, что исключено в рамках русской лингвокультуры, в определенных обстоятельствах, может все-таки быть допущено, в то время как в немецком сознании такого быть не может. Такое положение дел иллюстрируется известной фразой из анекдота времен застоя: «*Пива на самом деле нет!*» – эта надпись на пивном ларьке эмфатически подчеркивает обычную для тех времен информацию: «*Пива нет*». Покупатели, знающие, что для своих у продавщицы что-то найдется, смотрят на нее с вопросом в глазах, и тогда появляется приведенная эмблема.

Развивая известную мысль М.М. Бахтина о том, что каждое слово хранит присущие ему ситуативные ассоциации, отметим, что в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка эти ассоциации могут быть более или менее яркими. Пилотажный опрос волгоградских студентов-филологов в 2013 году показал, что определенные высказывания, у которых в свое время была жесткая ситуативная закреплённость, в наши дни воспринимаются в отрыве от такой ситуации. Так, например, студенты не увидели эмблематики в следующих фразах: «*Нет в жизни счастья*», «*Не забуду мать родную*», «*Клянусь любить ее навеки*» и «*За все легавым отомщу*». Эти фразы в середине XX века были распространенными татуировками у заключенных. В современной массовой культуре татуировка не рассматривается как эмблема тех, кто отбывал наказание в местах лишения свободы, это – скорее универсальный декоративный знак, хотя традиция наносить определенные надписи (наколки) на кожу в исправительно-трудовых учреждениях осталась.

**Резюмирую.** Одним из возможных подходов к интерпретации дискурса может быть лингвосомиотический комментарий дискурсивных эмблем – знаков идентификации коммуникантов и обстоятельств общения. Такой подход является разновидностью филологической герменевтики и направлен на разъяснение той скрытой информации, которая не является легко узнаваемой для читателя или слушателя. В качестве эмблем могут выступать любые языковые знаки. Выделяются следующие критерии классификации дискурсивных эмблем: сфера, тональность и референтная отнесенность общения. Соответственно, требуют объяснения знаки статусной, профессиональной, локальной, исторической, идеологической идентификации. Дискурсивные эмблемы особенно значимы в межкультурной коммуникации.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы / Л.С. Бейлинсон. – Волгоград: Перемена, 2009. – 266 с.
2. Воробйова О.П. Когнітивна поетика: здобутки і перспективи / О.П. Воробйова // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2004. – № 635. – С. 18–22.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.
4. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук / В.Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – 52 с.
5. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
7. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя / Ю.М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 416 с.
8. Vorobyova O. The Poetics of ‘Reflection’ in Virginia Woolf’s Short Fiction: In Search of Multiple Sense / O. Vorobyova // In Search of (Non)Sense : [ed. by E. Chrzanowska-Kluczewska and G.Szpila]. – Newcastle upon Tyne, 2009. – P. 75–87.

**Карасик Владимир Ильич** – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir\_karasik@mail.ru